

Православие

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

1	Летопись единоверческой жизни	1
2	История Единоверия. Значение правил митрополита Платона	4
3	Богослужение. Божественная Литургия (продолжение)	8
4	Держитесь Предания. Православие и латинство (продолжение). <i>В. Карпеч</i>	12
5	Литературная страница. Ф.И.Тютчев. На службе России. <i>М. Душин</i>	17
6	Богослужения в единоверческом храме Архангела Михаила в сентябре 2004 года	20

Летопись единоверческой жизни

5/18 АВГУСТА 2004 года исполнилось 83 года со дня мученической кончины священномученика Симона — первого единоверческого епископа. После его канонизации на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 2000 году, было установлено празднование дня его памяти в этот день. В минувшие три года в единоверческом приходе храма Архангела Михаила празднование действительно совершалось в день кончины Владыки Симона. Однако, в этом году церковный совет храма принял решение совершать праздник в честь первого единоверческого Святителя ежегодно в первое воскресенье после праздника Преображения Господня. Вызвано это было несколькими причинами, главная из которых — дать возможность участия в этом торжестве как можно большему количеству прихожан храма Архангела Михаила, которые часто не могли присутствовать

Священномученик Симон — единоверческий епископ Охтенский. Образ из иконостаса Никольского придела храма Архангела Михаила.

на богослужении, если праздник выпадал на рабочий день.

Особое почитание священномученика Симона в единоверческом храме Архангела Михаила объясняется высотой духовного подвига и множеством трудов ради многострадального Единоверия, которые он вынес в годы своего священнического и святительского служения. По милости Божией, несмотря на 70 лет безбожной зимы, до нас дошли чудом уцелевшие творения будущего единоверческого Владыки. В 2001-2002 годах благодаря помощи нашей прихожанки Валентины Павловны Суворовой — сотрудницы Санкт-Петербургской публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, мы смогли получить фактически все труды священника Симеона Шлеева — будущего святителя Симона: первую его книгу «Единоверие и его столетнее организованное существование в Русской Церкви» (1901), брошюру «К вопросу: Какой епископ нужен Единоверию?» (1905), монографию «Еди-

новерие в своем внутреннем развитии. (В разъяснение его малораспространенности среди старообрядцев)» (1910), недавно переизданную нашей общиной, интереснейшие материалы Первого и Второго Всероссийских Съездов Православных Старообрядцев (Единоверцев), прошедших в Санкт-Петербурге в 1912 году и Нижнем Новгороде в 1917 году, а также практически все номера журнала «Правда Православия», выходящего в свет в Санкт-Петербурге в 1906-1908 годах и послужившего прототипом нашего одноименного издания.

Благодарим и Вас, наши дорогие читатели, ибо копии работ отца Симеона были приобретены частично и на Ваши пожертвования на издательскую деятельность нашего прихода.

Письменные труды будущего Владыки являются для нас неисчерпаемым источником духовных знаний и руководством к действию. Несмотря на то, что все его работы были написаны почти столетие назад, свежесть и актуальность их ничуть не уменьшилась. Для примера, приведем небольшую цитату из статьи отца Симеона. В ней идет речь об устройстве единоверческих приходов: *Организация единоверческого прихода совершенно другая, чем организация православных приходов. Единоверцы сами избирают себе пастыря и прочих священно- и церковнослужителей.*

Все церковные дела — большие и малые решаются приходом. Каждый прихожанин входит в свой приход, как тот или другой член в ту или другую большую семью. Он живет интересами прихода. Он отвечает за нравственное и материальное благосостояние своего прихода. Он старается

о нравственном совершенствовании не только своем, но и общем. Он бывает озабочен не только своим материальным благополучием, но и общим приходским. Он смотрит на храм, как на общее всех достояние, о котором должны заботиться не только староста и священник, но и все прихожане. Он идет в храм не как в какое-то помещение, где занимает лишь известное место на полу. Он идет туда как в место собрания родных ему по духу людей, одних с ним интересов, близких ему и таких же полномочных членов, как и он. Единоверцы живут сознательной церковною жизнью. Их каждого интересует: как идет служба, все ли по уставу

исполняется, все ли в должном порядке и на месте. Их касательство в церкви не во время только треб. Они живут церковною жизнью постоянно. Главные их интересы — это духовные вопросы, вопросы спасения души. (Из статьи «Необходимость на-

20 июля / 2 августа 2004 года — праздник святого славного пророка Илии. Ежегодный молебен в деревне Кулаково

Напутственное слово настоятеля Михаило-Архангельского единоверческого храма священноигумена Иринарха воспитанникам воскресной школы и их родителям после окончания молебна перед новым учебным годом

учной подготовки единоверческого духовенства», журнал «Миссионерское Обозрение», № 20, 1904, с. 15п). Как бы хотелось, чтобы описанный тип единоверцев преобладал и в нашем храме, чтобы каждый человек, считающий себя его прихожанином, действительно смотрел на него как на общее достояние, о котором должны заботиться не только священно- и церковнослужители, но и все члены Михаило-Архангельской единоверческой общины, чтобы те духовные идеалы, которые были близки первому единоверческому святителю находили отклик в наших сердцах.

* * *

Начало учебного года в воскресной школе единоверческого храма Архангела Михаила.

6/19 сентября 2004 года (в первое воскресение после Церковного Новолетия) возобновляет свою работу воскресная школа единоверческого храма Архангела Михаила.

Предстоящий учебный год — пятый со времени открытия школы в 2000 году. Как и в прошлом году за-

ятия воскресной школы будут проводиться в двух группах: старшей (возраст воспитанников 8-12 лет) и младшей (5-7 лет).

Накануне начала учебного года в воскресной школе нашего прихода и в общеобразовательных школах, духовенством и церковным причтом храма был совершен молебен с чтением канона преподобному Сергию Радонежскому о даровании помощи Божией учащимся.

После совершения молебна, настоятель Михаило-Архангельского единоверческого храма священноиерей Иринарх сказал пространное напутственное слово, в котором выразил мысль о том, что самое главное из того, что предстоит постичь учащимся — это познание смысла человеческой жизни, изучение вечных истин бытия Божия и замысла Творца о высшем Своем творении — человеке. Духовник Михаило-Архангельской общины также обратился к родителям с увещанием воспитывать своих детей в духе веры и благочестия, служить личным примером для подрастающего поколения.

Памяти полковника Николая Сергеевича Кутузова

13/26 августа 2004 года почил о Боже командир Батальона Особого Назначения ГАИ МВД России полковник Николай Сергеевич Кутузов. Жития его было пятьдесят восемь лет. Из них десять последних лет он был прихожанином единоверческого храма Архангела Михаила, его неустанным попечителем.

При прощании с усопшим его многочисленные сослуживцы, друзья и подчиненные говорили о редких в наше время человеческих качествах, которыми обладал покойный. Выдающийся командир, на пустом месте создавший Батальон Особого Назначения (БОН) — подразделение единственное в своем роде в структуре МВД, он был отцом для всех подчиненных. Отправляя своих бойцов в места боевых действий, всегда после молебствия и церковного благословения, Николай Сергеевич, по словам близких его друзей, молился о них во все время выполнения ими поставленных боевых задач. И молитва его, соединенная с молитвой Церкви не была тщетна — за все годы БОН не потерял в военных действиях ни одного бойца! За беззаветное и самоотверженное служение Родине полковник Кутузов был удостоен правительственных наград.

Николай Сергеевич предоставлял самую разнообразную помощь единоверческому храму Архангела Михаила. Он активно участвовал в его восстановлении, безотказно выделял транспорт для нужд церковной общины, помогал всем чем мог.

За выдающиеся заслуги перед Церковью в восстановлении единоверческого храма Архангела Михаила, в 2001 году полковник Кутузов был награжден Святейшим Патриархом Алексием II орденом благоверного князя Даниила Московского. Главная же награда ему — молитвенная память всех, кто принял от него помощь и заботу за годы его не долгой, но яркой жизни, отданной ближним и Богу.

Жизнь замечательного человека прервалась безмятежной кончиной. Словно предвидя переход в вечность, он накануне смерти, сделал все распоряжения на этот случай. По воле Николая Сергеевича, его похоронили на приходском кладбище единоверческого храма Архангела Михаила села Михайловская Слобода. Чин погребения был совершен священнослужителями и церковным причтом нашего храма в день праздника Успения Пресвятой Богородицы 15/28 августа 2004.

История Единоверия

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВИЛ МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА

(продолжение)

ПРИНЯВ московских соединенцев на почти тождественных условиях с прежними, представители Православия еще раз объявили, на какие условия единения они могут дать свое благословение. Они согласны были на избрание единоверческих священников самими соединенцами, но посвящать их должны были православные архиереи (п. 2) и на совершение этими священниками богослужения по старопечатным книгам (пп. 3 и 4). Архипастыри согласны были на признание благодатной силы в прежде совершенных над соединенцами еще в старообрядчестве таинствах (п. 10). Не прочь они были также допустить единоверцам некоторую обособленность в управлении единоверческими церквами: независимость их от духовных консисторий (п. 6) и подчинение единоверческих священников непосредственному суду епископа (п. 12).

Не менее определенны и настойчивы представители Православия 1800 года и в тех пунктах, где содержалось то или другое отрицание просьбы соединенцев. Первой статьёй условия московских соединенцев испрашивалось, дабы «Св. Синод разрешил преждеположенные клятвы на двоеперстное сложение и другие подобные сему обряды». Митрополит Платон, изменяя текст и смысл первого условия прошения соединенцев, ограничивался одним общим замечанием, что с них, как «ныне сближающихся или паче соединяющихся с Церковью и истиною ее, и таинства, и священство ее признающих действительными», клятвы эти снимаются, «и не

должна более теми клятвами их совесть быть тяготеаема», но «отторгающиеся еще от Церкви имеют и впредь состоять праведно». Этим кратким заявлением все разъяснение вопроса о сложении клятв со старых обрядов и ограничивалось. Истинно соединяющийся, хотя бы и условно, по мнению митрополита, не должен уже смущаться прежними клятвами. Недоумение по поводу клятв, по мысли митрополита, может быть лишь у неискренно соединяющихся и мало приближающихся к Церкви. Итак, поставленный старообрядцами вопрос о преждеположенных клятвах на двоеперстие и другие подобные обычаи митрополитом Платоном был пресечен, как несвойственный соединенцам и сведен на более узкий вопрос о тяготении клятв на противниках Церкви и о естественном освобождении от них через акт единения с Церковью единоверцев. Условие, поставленное старообрядцами в первом параграфе, было

Церковь Введения Пресвятой Богородицы — первый единоверческий храм в Москве. Построена в 1801 году.

более удобоисполнимое, чем требование 1783 г. стародубских согласников, которые желали, чтобы эти клятвы были разрешены через сношение Святейшего Синода с восточными патриархами. Но митрополит Платон и на это удобоисполнимое, по мнению соединенцев, условие ответил по смыслу тем же отрицанием, каким отговаривались и прежние представители Православия: «клятва касается только до непокоряющихся святой Церкви, а которые присоединяются, те не подлежат» (резолюция на прошении стародубских старообрядцев).

Московский святитель, по примеру прежних представителей Православия, пресек стремление соединенцев к умножению своего общества за счет православных. Митрополит Платон знал про такие стремления соединенцев, заявленные ими и после Екатерины II в 6-м пункте Нижегородских условий, и решил навсегда прекратить их. В 5-м пункте своих замечаний Московский святитель писал: *«А чтобы не возбранять присоединиться к Церкви, или просимой, и другим незаписным, но издавна удалившимся от сообщества Греко-российской Церкви, сие не иначе дозволено быть может, как по исследовании от епископа, что он никогда дотеле в церковь православную не ходил и таинств ее не принимал, и то, нашедши его таковым, при принятии к Церкви, прочесть над ним вышеписанную разрешительную молитву. А в Церкви нашей православной доселе бывших никак до такового присоединения не допускать»*. Митрополит с разбором присоединял к Единоверию и незаписных раскольников, а что касается православных, то их он прямо запретил причислять к единоверческим приходам. Отрицательно отнесся митрополит и к заимствованию православными таинств от единоверческих священников. В ответ на § II просьбы московских соединенцев он так писал: *«по сей статье сын православной Греко-российской Церкви не иначе может иметь дозволение, разве то в крайней нужде, в смертном случае, где б не случилось найти православного священника и церкви»*.

Настойчивость, с какою проводилось отрицательное отношение митрополита Платона к некоторым условиям московских соединенцев, объясняется тесною связью со взглядом представителей Православия на Единоверие, именно на значение и цель его. Взгляд этот был прежний. В просимом участии православных в церковной жизни Единоверия Московский святитель видел несоответствие идее Единоверия. О значении и цели Единоверия у высокопреосвященного Платона, кроме его замечаний на разные условия соединенцев, сказано нарочито во втором его дополнительном мнении к правилам Единоверия. Читается оно так: *«При дозволении просителям Церкви потребно быть судится провозгласить следующее: что несчастливый раскол, от чего произошел и когда, сие известно из изданных о том книг. Церковь все тщание и ревность прилагала к приведению на путь истины отторгшихся от нее, и для того изданы многие книги, в коих явственно и доказательно пока-*

зано и заблуждение отторгшихся, и погрешности от нерадения и невежества вошедшие в прежние церковные книги, и как сходственно с Греческими и Славянскими древними книгами оные погрешности исправлены, и что таковым образом исправленные книги в нашей Церкви православной употребляются, и хотя и ныне не может быть о всем том иная Церкви мысль, разве каковая ею доселе за истину признана и признается, однако Церковь, яко мать сердобольная, не видя в обращении отторгшихся от нее великого успеха (хотя некоторые Богом просвещенные и совершенно соединяются с нею), рассудила за благо учинить некоторое таковым в неведении погрешающим снисхождение, однако без соблазна правоверных, особливо рассуждая их прошение, которое довольным образом их с Церковью сближает, или паче соединяет, следуя примеру апостольскому, имже немощным бысть, аки немощен, но с тем, да немощных приобрящет, и дабы возыметь благу надежду, что таковые, со временем, Богом просветятся, и ни в чем в неразиствующе с Церковью придут согласие. – Сие почитается нужным, дабы всем ведомо было, по какой вине Церковь ныне таковое им творит снисхождение и дабы развратные не протолковали, аки бы Святая Церковь свое прегрешение, а их истину, познала, как то некоторые дерзают и мыслить, и говорить». По словам митрополита Платона, Единоверие учреждается, таким образом, лишь для старообрядцев, но не для православных. Значение его – это спасение «немощих», не могущих отстать от прежних своих обрядов, но в то же время желающих единения с Церковью и «довольным образом» сближающихся с нею. Православные потому не могут переходить в Единоверие, что последнее, несмотря на свою связь с Церковью в таинствах, однако употребляет при богослужении прежние старопечатанные книги со многими погрешностями, вошедшими от невежества и нерадения. Единоверие, по словам митрополита, тогда только стало иметь смысл в Русской Церкви, когда представители последней испробовали все средства к уничтожению раскола. Так, например, издано было много книг, где ясно и основательно доказывались заблуждения отторгшихся и погрешности старых книг. Греко-российская Церковь, по мнению митрополита Платона, тогда лишь учредила Единоверие, когда не оставалось надежды на безусловное присоединение раскольников. Итак, Единоверие,

по дополнительному мнению митрополита, существует для старообрядцев и притом еще с тою целью, что и они с течением времени примут обряды и книги Греко-российской Церкви, иными словами, придут в окончательное единение с Церковью не только в догмате, но и в обряде.

Живучесть стремления к обрядовому единообразию основывается на обычном тогда отношении к старому обряду. В предыдущих очерках нашей рубрики мы видели каким было это отношение у светского правительства, а также и у церковной власти в конце XVII века и в XVIII веке. Действительно, не в его интересах было давать дозволение единоверцам пользоваться старыми книгами и обрядами навсегда. Это отношение было такое, что с изданием от лица Церкви в 1765 году «Увещения», составленного самим митрополитом Платоном, и с наступлением более гуманных воззрений на старообрядчество во время царствования Екатерины II – все же всегдашнее оставление единоверцам их особенности казалось такою непоследовательностью, которая непременно давала повод подозревать власть в какой-то слабости! Что это не предположение, а факт, про это может говорить письмо митрополита Платона к архиепископу Амвросию (Подобедову). «Дело сие, – писал митрополит к архиепископу, – важно: чрез 160 лет Церковь противу всего стояла, потребен совет обще всех пастырей Российской Церкви, и общее положение, и притом соблюсти честь Церкви, что она не напрасно столько противу подвизалась и осуждала толикими определениями, толикими провозглашениями, толикими изданными сочинениями, толикими установлениями присоединения их к Церкви, дабы не остаться нам в стыде и противники не возгласили бы прежнее победихом, да уже и кричат. Не они старообрядцы, а мы: они же новообрядцы, и ежели их не называть раскольниками, по крайней мере новообрядцами». Из этого письма видится, что же заставляло митрополита Платона возлагать надежду на окончательное со временем объединение единоверцев с православными. Это – честь Церкви, заключающаяся в том, что она не напрасно столь много старалась об обрядовом единообразии, что не держатели дониконовской старины – старообрядцы, а православные, а потому не последним уступать, а первых приводить в полное согласие с ними.

Следующая причина настаивания митрополитом Платоном на второй цели Единоверия, по словам его же самого, боязнь

соблазна для правоверных. Православные, так выходит у митрополита Платона, при учреждении Единоверия как постоянного явления в жизни Русской Церкви, могли соблазняться. С провозглашением же временного значения Единоверия соблазн этот умерялся. Без возгласения надежды на окончательное слияние Единоверия с Православием первое, действительно, могло служить соблазном для православных. Большинство последних, благодаря предшествовавшим стремлениям представителей Православия к обрядовому единообразию в церковной жизни, успели своим новоисправленным книгам и обрядам в продолжение 147 лет придать характер чего-то неизменяемого и обязательного для всех. Что так было на самом деле – это показывает следующее. Представители московского духовенства, к которым митрополит Платон обратился за советом, при получении разбираемого прошения старообрядцев-соединенцев, в 2-м пункте своего ответа к архипастырю, например, так писали: *«нельзя будет сказать, что именующиеся старообрядцами соединились с православной Церковью, ибо они, как значат поданным прошением, от своего суетумудрия, противления святой истине и упорства ни на шаг не отступают, но на тех своих любимых правилах, кои от православной Церкви в неправильности ясно изобличены, доказаны и проклятию преданы, основать новую Церковь усиливаются»*. В отдельном же по этому запросу мнении протопресвитер Димитрий писал: *«а без того (без проклятия ересей и отступления по чину, изданному в 1766 году) допустить их в Церковь и противные православной нашей Церкви их обряды не должно. Ибо от того, за что положена на них клятва и анафема, не отрекаются»*.

Из приведенных отзывов московского духовенства по поводу прошения московских соединенцев видно, как они упорно не желали дозволения в недрах Церкви кроме новоисправленного обряда еще и старого.

Во времена Московского святителя Платона не удивительно видеть православных, говоривших, что Единоверие, не принимающее ни троеперстия, ни трегубой аллилуия, не обладает наравне с Православием святой истиной, а противится ей. Отсутствие оговорки касательно значения Единоверия в будущем на самом деле могло вызвать соблазн для правоверных, которые подобно старообрядцам в большинстве случаев много придавали значения обрядовой стороне богослужения и которые видя, что Церковь безразлично относится к обрядам,

как своим, так и единоверческим, по меньшей мере недоумевали бы – где истина и где заблуждение.

Если сама власть, без объяснения значения Единоверия в будущем времени, чувствовала какое-то противоречие с прежними постановлениями по отношению к старообрядцам, то тем более, конечно, этого противоречия без объяснения цели учреждения Единоверия не могли не видеть со стороны. Митрополит Платон предусмотрел и это обстоятельство. Провозглашение второй цели Единоверия у него оправдывается как средство остановить кривотолки, что Церковь будто бы познала свое согрешение (новоисправленные обряды) и истину старообрядцев (старинные книги с обрядами). *«Провозгласить сие (о значении Единоверия в будущем) почитается нужным, – говорил митрополит Платон, – дабы всем ведомо было, по какой вине Церковь ныне таковое им творит снисхождение и дабы развратные не перетолковали, аки бы Святая Церковь свое прегрешение, а их истину познала, как то некоторые дерзают и мыслить и говорить».* Через указание надежды, что единоверцы *«со временем Богом просветятся и ни в чем в неразиствующее с Церковью придут согласие»*, митрополит Платон думал отнять у нецерковных старообрядцев средство укорять Церковь в ошибках и противоречиях. Через объявление цели Единоверия архипастырь, как видится, стремился раскрыть ту мысль, что Церковь, по-прежнему думая о старых книгах и обрядах, если и делает исключение через учреждение Условного Соединенства, то в надежде, что Условное Единение со временем перейдет в безусловное. К сожалению, стремление защитить прежний образ действий против старообрядчества, оправдать в то же самое время и Единоверие, не увенчалось успехом. Нецерковные старообрядцы все равно обвинили Церковь в противоречии себе через учреждение Единоверия.

Явившись на смену Нижегородских пунктов условного единения, условия московских соединенцев 1800 года с замечаниями на них митрополита Платона получили предпочтение перед первыми. Они получили наименование правил Единоверия.

Как уже упоминалось именно в 1800 году появляется самое название Единоверия. Желая способствовать изменению неправильного взгляда присоединявшихся к Церкви на обряды и букву исправленных книг, приобретенного в расколе и всячески сблизить их с Церковью, митрополит Платон не только положил

замечания на пункты московских соединенцев, но переменил с этой целью даже название «старообрядцы», каким называли себя соединенцы как в Стародубских условиях, так и в Нижегородских и Московских пунктах, на имя «единоверцев». До условий московских соединенцев, хотя и были определенные для всех стремящихся к условному единению с Церковью правила соединения (Нижегородские пункты), но им, несмотря на Императорский указ 12-го марта 1798 года, старообрядцы того или другого города или места при возникшем их желании соединиться с Церковью не всегда следовали. Иные стремились выставлять свои собственные условия, чем каждый раз ставили в затруднение и духовную власть. Появившиеся в 1800 году новые пункты Условного Соединенства становятся окончательно обязательными для всех. Они более уже не менялись, исключая некоторых к ним дополнений в 1881 году, до Постановления Освященного Собора Православной Российской Церкви 1917-18, совершенно изменившего положение единоверцев в лоне Русской Церкви. С этого времени соединенцы уже не должны были проектировать какие-либо новые свои условия, они должны были лишь соглашаться (или не соглашаться) на навсегда утвержденные правила. Начиная с рассматриваемого периода, среди соединенцев не могло уже быть несколько единоверческих обществ, с разными основаниями их единения с Церковью, а должно было явиться одно целостное старообрядческое-соединенческое общество с повсюду одинаковыми пунктами единения с православною Церковью. Православные архипастыри с изданием правил 1800 года, со своей стороны, тоже освобождались на будущее время от прежних затруднений, явившихся у них каждый раз при разрешении вопроса об Условном Единении старообрядцев с Церковью. Единоверие после 1800 года требовало от представителей Православия не выработки тех или других правил единения, а лишь принятия соединяющихся, на основании утвержденных пунктов Условного Соединенства, старообрядцев с Церковью.

(продолжение следует)

При подготовке материала были использованы труды: свящ. С. Шлеева «Единоверие в своем внутреннем развитии» (1910) и «Исторический очерк Единоверия» М. С-го (1867), М. П. Чельцова «Единоверие за время столетнего его существования в Русской Церкви» (1900).

Богослужение

БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ

(продолжение)

ВТОРАЯ часть Божественной Литургии называется *Литургией оглашенных*. Называется она так потому, что в древней церкви при ее совершении присутствовали не только *верные*, то есть принявшие Святое Крещение, но и готовящиеся к крещению — *оглашенные*, то есть обучаемые христианской вере язычники.

Эта часть Литургии есть изображение жизни Господа Иисуса Христа в мире среди людей, которых Он огласил словом истины. Образ священнодействий этой части Литургии состоит из пения псалмов, чтения Апостола и Святого Евангелия и носит характер огласительный.

Благослови, владыко, — начинает диакон, поднимая уларь. Диакон — образ ангела. Его *уларь* символизирует ангельские крылья. Таким образом, в его лице как бы ангел призывает нас к молитве Господу, огненной и пламенной, как молитва самих ангелов.

Благословенно Царство Отца и Сына, и Святаго Духа, — возглашает священник. Этими словами и начинается собственно Литургия. Молитва христиан должна быть достойна Царства Божия. Мы во дворце Царя-Бога и потому должны быть внимательны к себе, самые мысли наши должны быть чисты в обиталище Господа.

Диакон начинает мирную (или великую) ектению. *Ектения* — значит протяженное моление, длительная молитва. Первая ектения на Литургии начинается словами: *«Миром Господу помолимся»*. При произнесении этих слов все молящиеся ограждают себя крестным знаменем без поклона. Следует вникнуть в эти святые слова. Молиться нужно «миром», мирно, в мире. Только люди с миром в душе могут приносить дар молитвенный. Сам Господь сказал: *«Если принесешь дар твой к алтарю и тут вспомнишь, что брат твой имеет нечто на тебя, — оставь там дар*

твой перед алтарем и поди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой, миришься скорее с соперником твоим, пока находишься с ним на пути» (Мф. 5: 23-25). Неудобна Богу молитва человека, душа которого носит в себе семена вражды. Не приемлется мольба того, кто за стенами храма оставил обиженного брата.

Далее следуют прошения о свышнем мире и спасении душ наших, о благостоянии святых Божиих церквей и единении всех, о святом храме и входящих в него с верой и страхом Божиим, о священноначалии, о Богохранимой Русской державе и ее людях, о городе или селе, об обители или храме, где служится Литургия, о благорастворении воздухов, об изобилии плодов земных, о временах мирных, о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их, об избавлении нас от всякой скорби, гнева и нужды. Все вместе эти прошения, возглашаемые диаконом, называются *великою ектенией*, на всякое ее отдельное призывание церковный хор отвечает пением: *«Господи, помилуй!»* И наконец — обращение к Пресвятой Богородице — теплой Заступнице всех христиан и святым угодникам —

предстателям нашим пред Богом с приглашением ко всем молящимся предать себя на волю Божию, потому что Он лучше всех знает в чем мы имеем нужду и в чем нам надо помочь.

— *Благослови, душе моя, Господа...*, — начинаются воскресные антифоны.

Теперь уже клироса, изображая ангельские лики, поют псалмы 102 и 145, прославляющие Господа. *Антифоны*, то есть переменное пение двух хоров, ввел священномученик Игнатий Богоносец еще в начале второго столетия. Буквальный перевод слова «антифон» — *противоголосник*.

Священномученик Игнатий
Богоносец — архиепископ
Антиохийский (II век), введший в
употребление антифонное пение

Антифонов в Божественной Литургии три, разделяются они двумя малыми ектениями. Малая ектения состоит из следующих прошений, возносимых диаконом: *Паки и паки* (вновь и вновь) *миром Господу помолимся. Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Своею благодатию.* Как и в великой ектении последним возносится обращение к Пресвятой Богородице: *Пресвятую Чистую и Преподобную Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми помануше, сами себе и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим.*

Обычно антифоны — это псалмы «*Благослови душе моя Господа*» (102) и «*Хвали душе моя Господа*» (145), а также пение стихер, которым предшествуют стихи заповедей блаженств — *Блаженны*. Однако, в дни Господских двенадцатых праздников — Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, Рождества Христова, Богоявления Господня, Входа Господня в Иерусалим, Вознесения Господня, Пятидесятницы, Преображения Господня и Светлого Христова Воскресения звучат праздничные антифоны.

Праздничные антифоны состоят из стихов псалмов по смыслу соответствующих торжеству данного праздника и припевов:

— для первого праздничного антифона — припев *Молитвами Богородицы, Спасе, спаси нас;*

— для второго — припевы, начинающиеся словами *Спаси ны, Сыне Божии, воскреси из мертвых* (или: *Рождеися от Девы* и т.п.) *поющих: Ти аллилуия, аллилуия, аллилуия;*

— для третьего всегда припеваются тропарь данного праздника.

Кроме того, могут петься еще и *дневные* (то есть, *повседневные*) антифоны. Порядок их пения подобен праздничным, только припевы всех трех антифонов всегда одинаковы:

— для первого антифона — *Молитвами Богородицы Спасе спаси нас;*

— для второго — *Молитвами святых Твоих, Спасе, спаси нас;*

— для третьего — *Спаси ны, Сыне Божии,*

во святых дивен сын поющих: Ти аллилуия, аллилуия, аллилуия.

После второго антифона всегда поется песня Царя Юстиниана, составленная во славу воплотившегося Спасителя: *Единородный Сыне и Слово Божие...* Этим показывается, что Царство Божие во всем величии открылось пришествием на землю Сына Божия, распятого и победившего смерть. В начале этой песни все молящиеся осеняют себя крестным знаменем без поклона.

Как уже говорилось, в обычные дни третьим антифоном поются *Блаженны*.

Глубочайший смысл несут в себе сами стихи, возглашаемые канонархом. Избавитель пришел, и мы просим Его дать нам место в царстве Его. Мы молим, как благоразумный разбойник, распятый на кресте по правую руку Господа: *«Во царствии Си, егда приидеши, помани нас, Господи».* Господи, Ты принял разбойника, — как бы молим мы в этих словах, — не отвергни и нас.

И точно ответом на эту молитву звучат дальнейшие слова *блаженств*, — это песнопение говорит, кто достоин Царства Божия, для кого открыто оно:

Блажени нищии духом, яко тех есть Царство Небесное — не гордящиеся, не возносящиеся умом;

Блажени плачущии, яко тии утешатся — осознавшие собственную греховность, и ужаснувшиеся от этого, скорбящие и плачущие о собственных несовершенствах;

Блажени кротцыи, яко тии наследят землю — не питающие гнева ни против кого, прощающие и

любящие всех своих врагов;

Блажени алчущии и жаждущии правды — алчущие небесной правды и жаждущие восстановить ее в самих себе и на земле;

Блажени милостивии, яко тии помиловани будут — сострадающие о каждом нуждающемся, в каждом просящем видящие Самого Христа;

Блажени чистые сердцем, яко тии Бога узрят — берегущие двери сердца своего, очищающие его от всякой

Император Юстиниан (V век) — творец песнопения «Единородные Сыне»

злой мысли и злого желания, чтобы сделать жилищем Духа Божия, храмом Его.

Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся — подобно Сыну Божию, сходявшему на землю, чтобы внести мир в души людей, так и те, кто торопится всюду погасить пожар вражды и сеять мир, делают дело Божие и достойны быть сынами Его.

Блажени изгнани правды ради, яко тии сынове Божии нарекутся — всех, кто любит правду и защищает ее, ненавидит и гонит грешный мир. Но зато Царство Божие принадлежит таким.

Блажени есте егда поносят Вам и ижденут вы и рекут всяк зол глагол на вы лжуще мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесах, ибо заслуга их велика: они претерпели гонения, хотя были невинны и чисты; будучи чисты, были оклеветаны; будучи оклеветаны, радовались, потому что претерпели за Христа.

И вслед за этим как бы воочию открывается Царство Божие.

Начинается МАЛЫЙ ВХОД... Отверсты Царские врата, знаменуя, что через Христа уничтожились стены между человеком и Богом, — согрешивший человек снова приемлется в сыновство Господу... Ветхозаветный человек и в храмы не допускался далее врат. Закрывается не только для входа, но и для взора его было святилище. Даже для священников скрыто было «святое святых». А теперь для всех отворены врата этого святого святых, и Сам Господь как будто идет к чадам своим.

Первым в торжественном шествии следует священносец со свечой. Свечильник символизирует Предтечу Господа, грядущего свидетельствовать о свете, указать Агнца, вземлющего грехи мира, и зовущего поклониться Ему. За свечильником следует Евангелие. Изображая самого Благовествующего, Евангелие выносится из узких северных диаконских дверей алтаря, словно изображая Спасителя, впервые вышедшего на Божественную проповедь. *Верующие совершают крестное знамение, поклоняясь Святому Евангелию.*

Владыко, Господи, Боже наш, оставивый на небесах чины и воинства, ангел и архангел в службу славы Твоя, сотвори со входом нашим в ходу святых быти, со служащих с нами и со славящих Твою благодать, — молится священник.

Благослови владыко вход святых, — тихим гласом обращается к священни-

ку диакон. *Благословен вход святых Твоих Господи, всегда ныне и присно и во веки векам, аминь*, — отвечает перерей.

Как только допеваются последние слова антифонов, диакон воздвигает Святое Евангелие и возглашает: *Премудрость, прости!* Слово *прости* в переводе с греческого обозначает *прямо*, то есть: сосредоточьте все духовное внимание, соберите всю силу молиться, чтобы достойно поклониться Грядущему, которого сопровождают ангелы.

Приидите поклонимся и припадем Христу, — запевают священнослужители, — *спаси нас Сыне Божию, воскрес из мертвых поющих Ти, аллилуия, аллилуия, аллилуия*, — подхватывает хор.

Слово *аллилуия* переводится с еврейского как *Господь идет, хвалите Господа*. После окончания пения *все молящиеся ограждают себя крестным знаменем с поклоном*.

Далее следует чтение тропарей и кондаков, положенных по уставу в настоящий день, а в дни праздников — их пение.

Благослови Владыко время Трисвятаго, — обращается диакон ко священнику во время пения последнего кондака.

Перей же, обратившись лицом на запад, возглашает: *Яко свят еси, Боже наш, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну, и Святому Духу ныне и присно*,

— *и во веки векам*, — заканчивает возглас уже диакон, показывая, простирая правой рукой уларь.

Лики попеременно поют песнь *Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас*.

По Преданию, «Трисвятое» есть песнь ликов ангельских. В начале V века, при Патриархе Константинопольском Прокле, по случаю непрекращающихся дождей и продолжительного землетрясения, было на открытом месте общее молебствие об отвращении бедствия. И вот один отрок невидимую силою был поднят на воздух и, спустившись невредимым, объявил, что он слышал ангелов, поющих: *Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный*... Христиане воспели эту песнь Всемогущему — и бедствие прекратилось.

Так и певцы церковные, воспевая песнь эту, соединяются в пении с ангелами. Может ли, зная об этом петь ее без смущения человек, тревожимый сознанием своих грехов?

Подобное смущение испытывал даже пророк Исаия, когда вдруг предстал Престолу Бога Вседержителя, окруженного се-

рафимами, поющими Ему «Трисвятое». Он желал бы и сам принять участие в пении, но не дерзнул этого сделать, помыслив, что его нечистые уста недостойны воспевать хвалу Богу вместе с безгрешными певцами.

Он мог только проговорить: *Жалкий я человек, стою на краю гибели. Уста мои нечисты, и живу среди людей с нечистыми устами.*

Подобное сознание душевной нечистоты должно быть присуще каждому из нас при пении «Трисвятого».

Мы, грешные, научены к прославлению неизреченной святости Божией (*Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный*) присовокуплять смиренно моление о помиловании: *Помилуй нас.*

Так пели «Трисвятое» и во время рассказанного события при патриархе Прокле.

А далее верующие оглашаются самой проповедью Завета Нового. Чтение апостольских посланий всегда предваряется прокимном. *Прокимен* — это краткий стих из псалмов, предваряющий обычно чтение Священного Писания и кратко указывающий на значение этого дня или песнопений.

После чтения апостола певцы поют *аллилуия*. *Аллилуия*, — пишет святой Герман, Патриарх Константинопольский, — *это — вестник Евангелия, который взывает ко всем: Господь грядет, грядет Бог. Хвалите и славьте Живого Бога.*

Мы как бы слышим проповедь тех, которых Господь послал благовествовать по градам и весям.

Во время пения *аллилуия* диакон кадит алтарь, певчих и молящихся, напоминая каждением о духовном очищении наших душ, с каким мы должны внимать словам Евангелия. И перей, находящийся во время чтения Апостола и Евангелия на Горнем месте в молитве, обращается к Богу с подобным прошением: *Господи Боже наш, приклони сердца наша, в послушание Божественных Твоих повелений. И отврати очи помышления нашего, не прилежати в пустошная мира сего, но видети нам красоту славы Твоея сподоби...*

Окончив каждение, диакон взимает с Престола Святой Крест и, положив на правой руке на уларь, подходит к священнику, который осеняет себя им и целует, произнося молитву: *Силою и заступлением Честнаго Креста Твоего, Господи, помилуй мя и помози ми грешному.* Затем он же благословляет Крестом и диакона, который произносит ту же молитву. Диакон отходит к Престолу, кладет Крест и приготавливает себя к чтению Святого Евангелия тремя поклонами, затем

после окончания пения аллилуия, возглашает: *Благослови, Владыко, благовестити благовестие, святого славного и всехвальнаго вселенскаго благовестника, апостола и евангелиста, имярек, и взяв Святое Евангелие, поклоняется иерею и исходит на амвон через Царские врата к приготовленному для чтения аналою. Впереди Евангелия шествует священосец со светильником, символизирующим Свет Христов, просвещающий и наставляющий всякого человека.*

Иерей возглашает: *Премудрость прѣсти услышим Святаго Евангелия*, диакон отвечает: *От имярек Святаго Евангелия чтение.* Кипрос поет *Слава Тебе, Господи, и все верующие осеняют себя крестным знаменем с поклоном. Воимем, — призывает священник, и еще раз крестятся молящиеся преклоняя главы для слушания Благой Вести.*

Евангелие — великий момент богослужения. Нужно собрать все духовные силы, чтобы не на камень пало слово Божие, чтобы не засорила и не заглушила его сорная трава.

Перед нами точно Сам Господь. И Его золотые речи вещаются с амвона. — *Воссияй в сердцах наших, Владыко, благоразумия Твоего непреступный свет, и мысли нашей очи отверзи, во еже разумети евангельская Твоя проповедания, вложи же нам и страх Божественных Твоих заповедей, яко да телесная желания поправше, духовное жителство пройдем, всегда яже ко благоугождению Твоему и мудрствуем и творим, — говорит тайно священник перед чтением Евангелия. Слова этой молитвы касаются всех участвующих в Богослужении.*

И после прочтения Евангелия уже другой кипрос поет: *Слава Тебе, Господи, после чего все молящиеся вновь осеняют себя крестным знаменем с поклоном.*

(продолжение следует)

При подготовке материалов были использованы следующие источники: иерейский служебник «Божественная Служба Иоанна Златоустаго», Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского (репринтное издание, М.: 1994), епископ Михаил (Семенов) «Святая Литургия» (Новосибирск.: 2002), священник Г. М. Карабинович «Закон Божий для старообрядческих школ» (репринтное издание, М.: 1990), Н. В. Гоголь «Размышления о Божественной Литургии» (М.: 1992), архимандрит Киприан (Керн) «Евхаристия» (М.: 2001).

Держитесь Преданна

ПРАВОСЛАВИЕ И ЛАТИНСТВО

(продолжение)

МОСКОВСКАЯ Русь отвергнула Флорентийскую унию, а позднее осознала себя Третьим (и последним) Римом, катехоническим Царством Конца, после падения которого и краткого правления антихриста земная история прекратится и наступит Новая земля и Новое небо, и времени больше не будет. В политическом смысле она восприняла жесткий военный стиль павшей монгольской империи, тем самым поставив заслон широкому проникновению латинства, по крайней мере, на два века. Замечательное свидетельство твердости русских в истинном Православии содержит датированное 1500 годом сочинение краковского каноника Ивана Сакрана под названием «Изяснитель заблуждений русского обряда». Вот что пишет этот латинянин:

«Из всех народов, носящих христианское имя, но отделенных от римской церкви, нет ни одного, который был бы так непоколебим в защите своего схизматического заблуждения, как народ русский. По упорству в своей схизме русские не верят никакой предлагаемой им истине, не принимают никакого доказательства и на все возражают. Избегают ученых католиков и даже мужей своего обряда (может быть, греков-униатов — В.К.), ненавидят их учение, отвращаются от их наставлений. Признают только самих себя истинными последователями апостолов и первоначальной церкви. А все анафемы против них из Рима считают для себя вечным благословением»¹. Тем временем в Западной Руси², либеральной и феодальной³, обстановка складывалась совершенно противоположным образом. Не имея единого Государя (или заключая договорные отношения с польскими королями), западнорусская шляхта (аристократия, «пань»), равно как и формально подчиненные Константинопольско-

му Патриарху (без Императора) епископы, легко отпали в латинство, тем более, что это сулило политические и житейские выгоды. Церковное отделение западных земель произошло еще в 1458 году, когда Константинопольский Патриарх поставил в Киеве митрополита Григория (1458-1473), сторонника Флорентийской унии. Сама же церковная политика Рима в отношении Западной Руси осуществлялась по испытанному, накатанному пути, идея которого по-своему очень логична.

Нам уже приходилось отмечать, что святоотеческому богословию было чуждо аналитическое расчленение бытия на «главное» и «второстепенное». Такое деление есть плод исключительно латинской схоластики, применившей к Богооткровенной вере принцип философии Аристотеля и римского частного права. Уния требовала признания не только главенства папы, но и принятия всего католического вероучения в целом, а вместе с ним, по сути, и отказа от государственной самостоятельности. «В то же время, — как пишет современный старообрядческий исследователь профессор М.О. Шахов, — като-

лики допускали практически полное сохранение у униатов всех внешних форм православного богослужения». Шахов указывает, что это та же проблема взаимосвязи между «формой и содержанием религиозного культа»⁴, которая в дальнейшем станет одной из главных тем старообрядческой полемики с реформаторами. Заметим, с полностью обратным католической схолистике знаком.

Усиленная латинизация западнорусских земель начинается с политического поворота Великого князя Литовского (как и все литовские князья, русского происхождения) Казимира IV (1447-1482) к Польскому королевству, причиной чему послужил поход Ивана III на Новгород и ликвидация его «вольностей». Вскоре уже папа

Латинский святой Игнатий Лойола
— основатель ордена иезуитов

Пий II называет в своем письме Казимира «наимилейшим о Христе сыном». Следом за Казимиром IV начинается прямой переход многих литовских удельных князей в прямое латинство (тем самым они вливаются уже в польскую шляхту) и насильственное обращение народа в унию. Константинопольский Патриархат делает попытки создать вместо Византийской Империи «Великую Литву», которая с принятием унии могла бы стать «светским мечом» Рима в борьбе с Православием и исламом, однако попытки эти терпят крах из-за устойчивого феодализма, нежелания панами какого-либо единоначалия.

Главной движущей силой введения унии в Западной Руси (а затем и церковной реформы XVII века в Великороссии) становится орден иезуитов (т. н. «Общества Иисуса»), основанный в 1539 году испанским дворянином Игнатием Лойолой⁶ и в 1540 году утвержденный буллой Павла III, папы римского, формально для борьбы с Реформацией, а фактически — для распространения латинского вероучения по всему миру. По уставу ордена главная власть принадлежит *генералу* («черному папе»), избираемому пожизненно и живущему в Риме. Власть его ограничивается *генеральской конгрегацией* из всех членов; конгрегация наблюдает посредством пятерых «ассистентов» за деятельностью генерала. В отдельных странах генерала заменяют «провинциаль», дающие ему отчет во всех делах. Главную часть ордена составляют так называемые «*профессы*» (*professi quatuor votorum*), то есть, «исповедующие четыре обета». Помимо обычных монашеских — безбрачия, поста⁷ и личного нестяжания, четвертый обет — послушания — доведен до крайности: иезуиту вменяется в обязанность быть в руках ордена «как труп». В помощь им избираются так называемые *коадьюторы* — лица, не дающие первых трех обетов, но строго придерживающиеся четвертого. Ниже идут «схоластики» и «духовные коадьюторы», давшие обеты и занимающиеся воспитанием юношества — «новициев». Последние в течение ю-п лет учатся в специальных учебных заведениях и изучают не

только богословие, но и светские науки. Поскольку целью ордена является проповедь и миссионерство, некоторые черты латинского мировоззрения доведены в нем до предела. Это прежде всего схоластика и антропологизм. Принцип «свободы обряда» доводился иезуитами до предела — для азиатских и африканских стран они составляют особые «мессы» с применением танцев, ударных инструментов и прочего. В настоящее время широко стимулируют так называемый «христианский театр» и «христианское кино». Именно с иезуитов

начинается широкая «психологизация» римо-католической веры⁸, вскоре проникающая и на Православный Восток, а с середины XVII века и на Русь. Как бы ни относиться к латинству в принципе, но совершенно очевидно, что латинство «Золотой Легенды» и латинство XVI-XVII вв., особенно восточноевропейское, — это во многом разные вещи. В центр бытия теперь ставится не Бог, а человек с его проблемами, вопросами, душевными состояниями. Отсюда, например, и замена традиционного на Западе григорианского пения (унисонного и сущностно близкого к нашему знаменному) партесами, использующими языческое «бельканто» и принципиально небогослужебное, отрицающее принцип единомыслия верных, многоголосие. Хотя родиной партеса является Италия, наибольшее распространение он приобретает в Польше, а оттуда переходит и в Западную Русь.

Иезуитская исповедь основана на доведении до логического завершения «антропологических вопросов» блаженного Августина — в центр исповедания грехов ставится не сам грех, а «намеренность». Например, убийство без мысли о желании убить этого конкретного человека, а только с целью завладения его деньгами будет простым грехом корыстолюбия; прелюбодеяние без мысли о том, что грех совершен с чужой женой, превращается в обычный блуд. Практикуется разрешение на совершение какого-либо греха заранее, если это делается в интересах ордена или вообще римо-католической веры. Сама по себе исповедь у иезуитов из очистительно таинства превращается в

Современник Игнатия Лойолы — православный святой преподобный Максим Грек

серьезную и продуманную систему психологической подготовки к внешней деятельности ради осуществления мировой миссии римской церкви, равно как и т.н. «духовные упражнения» Игнатия Лойолы. Последние основаны на видимом представлении духовных реальностей внутренним взором, в отличие от православной молитвы, при которой это строго запрещено. Таких примеров множество.

Центром иезуитской деятельности в Восточной Европе становится Польша. С расширением польского государства во второй половине XVI в. не только в Кракове, но и в бывшей русской Вильне создается множество иезуитских учебных заведений. В 1577 году иезуит Петр Скарга пишет книгу «O jedności kostioli Bozego I o grzeckem od tej jedności odstąpieniu». Скарга указывает, что русским остается признать лишь самые маленькие «исправления» веры: 1) главенство папы, 2) Filioque, 3) греческие и русские обряды могут оставаться «нетронутыми». Еще одно важнейшее обстоятельство отмечал А. В. Карташев:

«Старым испытанным средством иезуитского влияния на общество была церковная проповедь на богослужениях. Протестантизм сводил почти все богослужение к проповеди. Римско-католический культ отводил проповеди свое уставное место. Чтобы состязаться с протестантизмом, нужно было только это место надлежаще использовать. И вот засияли в Вильне новые светила такой церковной проповеди. В костеле св. Яна Станислав Варшевицкий потрясал народ проповедями, заставлявшими по временам плакать и каяться. Другим светилом проповеди здесь оказался доктор философии и красноречия Петр Скарга»⁹.

Деятельность иезуитов увенчалась успехом. В 1596 году была заключена так называемая Брестская уния. Особенность процедуры заключения унии состояла в том, что для ее подготовки одновременно заседали два собора — униатский и православный, причем последний — под председательством Никифора — экзарха Константинопольского Патриарха. Униаты самочинно, не получив согласия православной стороны, но заручившись поддержкой польской королевской власти, объявили о соединении с Римской церковью. Вскоре началось гонение на православных — у них отбирали храмы, они фактически оказались изгоями и в общественной жизни. Участники православного собора были анафематствованы. С этого времени Православие становится в Западной Руси (Украине) «простонародной ве-

рой», подобно старому обряду в самой Великороссии после реформ XVII века.

Нельзя в то же время не указать на огромное значение западнорусской антиуниатской полемики в православном богословии и апологетике того времени. Прежде всего, здесь следует вспомнить о деятельности князя Константина Константиновича Острожского (1526-1608). Участник Брест-Литовского съезда на православной стороне, он не был лишен определенных иллюзий относительно соединения с Римом в принципе (через Константинопольский Патриархат) в уже упоминавшемся контексте. Это было связано с его достаточно двусмысленной политической позицией. Окончательно «отложившись» от Москвы после введения Иоанном Грозным опричнины, он предпочел быть подданным польского короля, поддержал князя А. М. Курбского. В целом оба эти князя признавали возможность существования Церкви вне Империи, вне царской власти, вне «катехона» (хотя у князя А. М. Курбского это было связано скорее не с недооценкой царской власти как таковой, а с тем, что он полагал себя ближе к Рюрику, чем Московская ветвь Даниловичей). Все это и привело к тому, что в конце концов отстоять Православие эти князья не смогли. Однако отрицать заслуги в особенности князя К. К. Острожского мы не вправе, хотя бы из благодарности за его великий труд — организацию и личное участие в переводе Священного Писания, наиболее соответствующего древнейшему дошедшему до нас его тексту. Дело в том, что первоначальный текст Ветхого Завета на древнееврейском языке утрачен. Нынешний так называемый масоретский текст его на иврите датируется приблизительно VII в. по Р. Х. и уже подвержен раввинистическим влияниям; в частности, из него изъяты или сокращены все так называемые мессиянские тексты, прямо говорящие о пришествии Христа. Септуагинта, «Перевод Семидесяти толковников» на греческий язык был сделан эллинистическими иудеями в III веке до Р. Х. с древнего еврейского текста и полностью содержит все мессиянские эпизоды. Имевшая хождение тогда в Московской Руси Геннадиевская Библия 1490 года — перевод Вульгаты, латинского текста, переведенного блаженным Иеронимом во II веке по Р. Х. В Острожской Библии в основу перевода на церковнославянский язык взята именно Септуагинта. Это не только первая печатная Библия во всем православном мире, но и по сей день наиболее соответствующая древнейшему греческому тексту Священного Писания. В работе над ней при-

нимали участие греческие ученые, в том числе представитель Константинопольского Патриархата Кирил Лукарис, ставший профессором Острожской школы. В Московской Руси она также сразу же была принята к богослужебному употреблению и изъята из него только в 1663 году по повелению Патриарха Никона. Единичное и старообрядческое богослужение использует только Острожскую редакцию¹⁰.

Князь К. К. Острожский основал также Острожскую школу с греческими учителями антилатинской направленности, просуществовавшую до его смерти. Аналогичные школы были у князя А. М. Курбского на Волыни и у князей Слуцких в Слуцке.

Нельзя не вспомнить и об активной роли православных братств в Западной Руси. Увы, братства возникают (при полной поддержке и благословении Константинопольского Патриарха) в ответ на безгласие и прямое предательство большинства высших архиереев Западной Руси. «Украинский и белорусский православный церковный народ, — пишет Наставник Древлеправославной Поморской Церкви Латвии Иоанн Миролюбов, — оказался в обстоятельствах, доселе истории Церкви неведомых: с одной стороны, жесточайшие преследования светской власти и неумная католическая пропаганда против веры отцов, а с другой стороны — безгласие пастырей, явное увлечение высшей церковной властью мирскими расчетами и забавами, почти повальное отпадение архиереев в унию»¹¹. Несмотря на то, что сама форма православных братств заимствована из европейских ремесленных и цеховых корпораций, они

фактически оказались в конкретных условиях аналогично первохристианским общинам, имевшим право решающего голоса в Церкви в доконстантинову эпоху. Кроме того, это была среда, способствовавшая процветанию православной мысли и апологетики, не только не потерявшей, но, быть может, усилившей свое значение в настоящее время, и отнюдь не только в связи с латинством. Появившиеся в XVI веке антилатинские сочинения православных пастырей и иноков Западной Руси, написанные по просьбам братств и по прямому указанию русских князей, — это отнюдь не имеющие лишь историческое значение памятники. В XVIII и XIX веках они были изъяты из официального употребления Господствующей Церквью, получили хождение лишь в старообрядческой среде и были возвращены в официальный оборот лишь благодаря трудам Н. Ф. Каптерева, Е. Е. Голубинского и — в XX веке — сугубо протоиерея Георгия Флоровского. К ним обращались митрополит Волынский Антоний (Храповицкий), архиепископ Уфимский Андрей (князь Ухтомский), священномученик Симон (Шлеев), единоверческий епископ Охтенский (особо почитаемый в нашем храме) и другие архиереи Русской Православной Церкви. Не будет преувеличением сказать, что сегодня, когда внешняя ситуация Православия не только в России, но в мире вообще очень напоминает положение в Западной Руси XVI века, когда нет Православного Царя, а потому все большее значение приобретает голос церковного народа как такового, обращение к этим книгам насущнее, чем когда-либо. Речь идет о сочинениях Стефана Зизания, Иоанна Вышенского, Захарии Копыстенского.

(продолжение следует)

¹⁰ Цит. по Карташев А. В. Указ. соч., т. 1, с. 362.

¹¹ «Западная Русь» — вся территория нынешних Литвы, Белоруссии и Украины. Первоначально Литва — русские князья-Рюриковичи и их дружинники; предки нынешнего литовского народа — родственные славянам племена жмудь и жемайт. Белая Русь называлась так потому, что была свободной («белой») от ордынской дани, аналогично московским белым слободам, свободным от дани государевой. Украинцами назывались все отдаленные области, в т. ч. нынешний Русский Север. Конкретно южная или слободская Украина — территория между Харьковом и Полтавой, а Карпаты, Волынь и Галиция — Червоная Русь. Разделение между Велико-россией и Западной Русью прошло как раз по западной границе бывшей Монгольской империи. Западная Русь — часть русско-славянского народа, не прошедшая ордынской государственной, принуди-

тельно закаляющей выучки. В ней, увы, не «закалялась сталь». Само разделение на великороссов (москвитов) и малороссов (украинцев) возникает в XV-XVII вв. именно как разделение на православных и «полулатинян», в дальнейшем униатов. Карпатские православные (в обряде которых сохранилось множество черт древнерусского чина) называют себя русинами.

¹² Слово «феодализм» следует понимать не так, как оно употреблялось в позднесоветских учебниках истории (зависимость «крепостных крестьян» от якобы единого «класса помещиков» во главе с монархом). Феодализм — чисто европейский уклад, характерный независимостью землевладельцев друг от друга, их договорными вассальными отношениями с королями или князьями (герцогами) и наличием частной собственности на землю. В Московской Руси земля была «Божья и Государева», личного закрепощения

крестьян не было, а народ делился на «государевых людей» (мирян, из которых одни были «прикреплены» непосредственно к Царю, а другие были «прикреплены» к обслуживанию первых) и «государевых богомольцев». В.О. Ключевский называл этот строй «тягловым государством». Феодализм типологически отличается от евро-американского капитализма только степенью развития промышленности и рынка, а «тягловое государство» от советского строя — только богоборчеством последнего.

⁴ Шахов М.О. «Старообрядческое мировоззрение. Религиозно-философские основы и социальная позиция». М., изд-во РАГС при Президенте Российской Федерации, 2001, с. 81.

⁵ В представлениях Европы той поры православие и ислам выглядят очень похожими. На европейских гравюрах Василий III, принимающий западных послов, изображен в турецкой чалме. Такому впечатлению европейцев способствовало то, что на протяжении всего его царствования в стране действовал «сухой закон» — изготовление и хранение (!) в доме вина каралось смертной казнью (разумеется, не по каноническим, а по «дисциплинарным» соображениям, но тем не менее!). Впечатление это усиливается общим для православных и мусульман правилом носить бороду и неучастием женщин в светских делах, сходством русского богородичного платка и мусульманского хиджаба и проч. Иными словами, традиционный культурный и бытовой тип православия и ислама ближе, чем православия и латинства. В XVI веке происходит и постепенное политическое сближение Московской Руси и Османской империи в духе «континентального союза». В сочинениях Ивана Пересветова (некоторые авторы считают это имя псевдонимом самого царя Иоанна Грозного) прямо говорится о необходимости соединения «правой веры» и «правды (т.е. светского закона) турецкой». Такая политика продолжается вплоть до первых Романовых, сразу же вставших на путь подготовки русско-турецкой войны.

⁶ Южное, средиземноморское происхождение иезуитизма и вообще многого в латинстве не случайно. Средневековая Испания становилась местом смешения рас (в одном «котле» перемешались кельты, евреи, арабы, греки, негроиды и т. д.), а государствообразующий, сформировавший королевские династии готский субстрат становится все более узким и тонким. Отсюда особый характер культуры с повышенной чувственностью, экзальтацией, «запахом крови и пота». Восприятие духовного мира становится все более плотским и душевным. Именно испанский тип католической «святости» (Тереза Авильская, Иоанн Креста и др.) с характерным чувственно экстазическим восприятием духовной жизни наиболее неприемлем для православия.

⁷ Пост в латинстве отличается от православного. «Строгий пост» — воздержание только от мясной пищи (при употреблении молока и яиц). Пост монашествующих индивидуален и в ряде

случаев может включать разрешение на любую пищу «в малых количествах» (при том, что, конечно, есть и отдельные лица, чья жизнь приближается к строгой жизни Восточной Церкви). Большинство календарных постов или сокращено, или вовсе отменено. Так, Рождественский пост (т. н. «адвент») в настоящее время заключается только в «благочестивых размышлениях» и не предполагает телесных ограничений. Пост перед причащением считается обязательным, но может быть сокращен до... одного часа перед мессой (при том, что мессу можно служить в любое время суток, в т. ч. вечером). Протестанты отказались от поста вообще.

⁸ Подробно об этом см. в замечательной книге одного из первых «славянофилов» Ю.Ф. Самарина «Иезуиты и их отношение к России», М., 1860.

⁹ Карташев А. В. Указ. соч., т. 1, с. 591. Отметим также, что для традиционного православия «проповедью» является богослужение в целом; также и внесловесные его составляющие — пение, иконопись, элементы устава и т. д. «Вера бо самими вещьми действуема состоится», — гласит Кирилова Книга. — «Поэтому, в отличие от современного рационального интеллектуализма, для которого высшей формой идеального является словесное выражение мышления, а все невербальные формы выражения деятельности духа имеют подчиненное и второстепенное значение, — пишет уже цитированный М.О. Шахов, — для староверия, унаследовавшего традиционно-православное мировоззрение, было свойственно иное понимание соотношения разных форм воплощения духовной сущности». (Шахов М.О., Указ. соч., с. 113). Повышенный акцент на проповеди, появившийся в середине XVII века уже в деятельности кружка «Боголюбцев», на самом деле также результат западного влияния, «гуманизации» богослужения и превращения его в «человеческое». Это тем более следует признать относительно знаменитых проповедников XIX-XX вв., доведших народ до душевного потрясения. В древнем православии духовник обязан был, прежде всего, учить своих чад наедине. Публичное перечисление грехов на проповеди или т. н. «общие исповеди» были совершенно недопустимы.

¹⁰ В новом обряде используется т. н. Елизаветинская Библия первой половины XVIII в., созданная на основе Вульгаты и Геннадиевского текста. Русский, так называемый Синодальный перевод осуществлен в XIX веке с масоретского текста. Нану общину, естественно, использующую Острожскую Библию, не может не радовать недавнее благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на ее переиздание, которое находится в процессе подготовки.

¹¹ Миролюбов И.И. «Русско-украинские духовные связи накануне раскола». (Старообрядческий церковный календарь на 1929 г. Рига, 1929, с. 37).

Литературная страница

Ф. И. ТЮТЧЕВ. НА СЛУЖБЕ РОССИИ

МЫ не представим образ поэта в полном объёме, если не упомянем, что и с российской властью Тютчев разговаривал «с достоинством и свободой», в первый период его деятельности стоившими ему карьерных неприятностей. Честолюбие не было свойственно его характеру. Гораздо важнее для него было осознание полезности и действенности своего служения родине. Во внешнеполитических событиях, происходящих в России, например, в 50–70-е годы XIX столетия Тютчев сыграл исключительную роль, но по большей части — неофициально. Используя свой богатый дипломатический опыт, связи за границей, сношения с прессой иностранных государств и крупнейшими русскими изданиями, знакомства с крупными политическими и культурными деятелями всего мира, а также кругом влиятельных лиц при дворе российского Императора, Тютчев как истинный сын своего отечества старался внушать государственным деятелям патриотический образ мыслей и действий.

Надо сказать, что ему — человеку выдающихся дипломатических и ораторских способностей, необычайного обаяния, такта и, вместе с тем, настойчивого желания добиваться своей цели — даже ему задача продвижения патриотических идей удавалась с трудом. О причинах он неоднократно упоминал сам. *«Но что действительно тревожно, что плачевно выше всякого выражения, это — глубокое нравственное растрепанье среды, которая окружает у нас правительств и которая неизбежно тяготеет также над Вами, над вашими лучшими побуждениями»*, — писал он тогдашнему министру иностранных дел, впоследствии канцлеру А. М. Горчакову, сменившему ушедшего в отставку Нессельроде. О некоторых властителях — ещё резче, подмечая *«черту, самую отличительную из всех, — презрительную и тупую ненависть ко всему русскому, инстинктивное, так сказать, непонимание всего национального»*. Это о таких как Карл Нессельроде, исповедовавший англиканство, от которого Фёдор Тютчев в своё время пострадал по службе. Но — легко отделался, так как известно уже, что именно Нессельроде стоял за гибелью Пушкина, возможно — Лермонтова, вообще был виновен в

несчастиях многих благородных и честных русских людей. Однако вскоре у руля российской дипломатии встал князь Горчаков, свою деятельность пытавшийся направлять к действительной пользе отечества. И в этот период роль Тютчева, ставшего одним из главных сподвижников министра, становится поистине выдающейся для России того времени. Она — роль эта — ещё до конца не изучена, но можно смело предположить, что за многими серьёзными внешнеполитическими решениями того времени стоит влияние поэта. До-

Ф. И. Тютчев

статочно, к примеру, указать на тесное сотрудничество Тютчева с Горчаковым в период 1870–71 годов, когда России именно дипломатическим путём удалось ликвидировать позорные для себя последствия Крымской войны. Влияя на общественное мнение посредством организации соответствующих публикаций в передовой российской печати, через близких и знакомых при императорском дворе, при личных контактах с властимушцами Тютчев постоянно добивался сохранения до-

стоинства России в международных делах, старался, по мере возможности, укреплять основания её безопасности. Он был необычайно прозорлив, умственным взором охватывая историческую арену внешнеполитических событий. Вглядываясь в его предсказания (среди которых такие значительные, как Парижская коммуна) и оценим способности предугадывать события. Вот лишь некоторые из них:

1) В 1849 году Тютчев с полной убеждённостью говорил о предстоящем исчезновении Австрийской империи, поработившей, по его мнению, некоторые славянские народы. В 1918 году Австрийской империи не стало.

2) Война между Пруссией и Австрией, последовавшая после устранения российского влияния, также считалась им предreshённой.

3) Столкновение Франции и Пруссии 1870 года и победа последней не стали для него (в отличие от русских министров) неожиданностью. За четыре года до событий он писал о *«прелюдии великого побоища»*. О восстановлении после этого единой Германской империи он также писал: *«В результате он (Наполеон III) явится восстановителем империи, но только не своей, а империи вражеской»*.

4) Говоря о событиях, происходящих в современной ему Германии, Тютчев пророчески восклицал, имея в виду последствия, «важность которых способна для всего мира достигнуть размеров неисследимых...». Европа, по его словам, может прийти «к состоянию варварства, не имеющему ничего себе подобного в истории мира и в котором найдут себе оправдание всяческие иные угнетения». История XX века подтвердила опасения поэта.

5) Перед смертью поэт, основываясь на всё большем распространении в мире и в России авангардистской и декадентской эстетики, успел написать несколько писем, где, охарактеризовав данные умонастроения как «доктрину разрушения — чистого и голого», приходит к выводу о победоносном наступлении должной явиться «судороге бешенства, которой роковой исход — только разрушение. Это последнее слово Иуды, который, предавши Христа, очень основательно рассудил, что ему остаётся лишь одно: удавиться». Ход мировой истории вполне отражает данные высказывания, основанные также на православной эсхатологии.

События 1917 года в России в полной мере оправдали тютчевское предчувствие беды и у себя на родине. Истины, изложенные поэтом касательно этой темы — слишком горьки. Однако, дабы быть до конца беспристрастными, нам необходимо немного осветить этот вопрос.

Поэт недвусмысленно предрекал победу революции в России. Он даже с присущей ему иронией как-то заметил: «Блаженны нигилисты, они бо наследят землю до поры, до времени». В чём же предпосылки такого «наследия»? Мы уже упомянули о том, как трудно было русскому дипломату в России реализовывать свои патриотические идеи и о «глубоком нравственном растрепанности» правительственной среды, отмечавшейся Тютчевым. Уже в 1867 году (за полвека до революции) Тютчев вынужден признавать в письме к одной из дочерей: «Разложение повсюду. Мы двигаемся к пропасти... В правительственных сферах бессознательность и отсутствие совести достигли таких размеров, что этого нельзя постичь, не убедившись воочию... Вот когда можно сказать вместе с Гамлетом: **что-то прогнило в королевстве Датском**». Возможно, поэт стучит краски, так как видит всю изнанку власти изнутри, однако благодаря этому его мнение приобретает и особую ценность. Он не останавливался и перед подобными репликами в сторону Двора. В момент тяжелейших переговоров, которые вела Россия с враждебно настроенными западными державами, он пишет жене: «Я только что провёл три дня между Ораниенбаумом и Петергофом, ведя политические прения со всеми членами августейшей семьи, кото-

рые все разделены своими немецкими симпатиями и антипатиями... Единственное, что совершенно отсутствует, — это русская точка зрения на вопрос». Тютчев, безусловно, отдавал себе отчёт в том сложном положении, в котором порой находится верховная власть в лице её монарха. Многие государственные деятели, заражённые западничеством, зачастую также были лишены «русской точки зрения»: «Если случается, что по какому-либо вопросу в сознании самого монарха проявляются какие-то проблески национального чувства, эти люди совершенно теряются...» Так или иначе, но российская государственность, по мнению Тютчева, была обречена. Сокровенные побуждения власти уже утратили свою богоносность и исходят лишь из «превосходства своей весьма спорной просвещённости». В сердцах поэт даже делает вывод: «Одним словом, власть в России на деле безбожна...». Всей своей государственной и творческой деятельностью на благо отечеству Тютчев заслужил право высказывать подобные горькие слова, ибо сам ни на секунду не оставлял надежд на великое будущее русской земли. Его сетования — это сетования любящего сына на ошибки своих родителей. При принятии присяги по восшествии на престол нового Императора Тютчев скажет: «Ах, я готов приносить им всевозможные присяги, но если бы я мог одолжить им немного ума, это было бы гораздо для них полезнее...». Это вовсе не говорит о личном неприятии Тютчевым монарха, а лишь о стремлении принести как можно больше пользы для дела России, которая переживает не лучшие свои времена. Предчувствие беды и критика власти тем не менее не нарушала очень тёплых и доверительных отношений российского дипломата и поэта с Александром II. Чего стоит такой вот, к примеру, эпизод, описанный Тютчевым в одном из писем:

«Я провёл два дня в Царском... но вот какой у меня был случай с Государем. Я встретил его между 8 и 9 часами утра в парке, совершающего свою обычную прогулку вокруг озера. По мере того, как он приближался, меня охватывало волнение, и когда он остановился и заговорил со мной, то волнение передалось и ему также, и мы расцеловались».

Не многие государственные деятели, пожалуй, могли бы похвастаться столь близкими взаимоотношениями с царём. В период же предсмертной болезни поэта Государь изъявил даже желание посетить умирающего лично. Однако... Реальное положение дел заставляло Тютчева всё чаще и чаще говорить об утрате правителями истинной народности. Именно в Русском народе (а поэт долго жил за границей и видел много других) Тютчев видел глубочайшие духовные и нравственные ценности, имеющие всемирное значение. Но

близкие ко двору высшие государственные чиновники видели в русской народности не более чем «выдумки, враньё журналистов». И подобных людей Тютчев ежечасно встречал в управлении делами России. *«Почему имеет место такая нелепость? — восклицает он. — Почему эти жалкие посредственности, самые худшие, самые отсталые из всего класса ученики... эти выродки находятся и удерживаются во главе страны, и обстоятельства таковы, что нет у нас достаточно сил, чтобы их прогнать?»* И возникновение таких сил предчувствует поэт. В этом кроется вся трагичность и фатальность грядущего бунта. До него ещё далеко, но в 1871 году Тютчев высказывает со всей откровенностью мысль, в которой выражает видение высшего суда над происходящими вокруг беззакониями: *«Любопытно было бы посмотреть, — пишет он дочери, — в каком мы окажемся положении, когда от нас в будущем, быть может, не таком уж далёком потребуют отчёт за все срывы и неудачи, в которых мы повинны»*. И ещё раньше во время Крымской войны — жене в 1855 году о людях, управляющих судьбами России: *«Нельзя не предощутить близкого и неминуемого конца этой ужасной бессмыслицы... невозможно не предощутить переворота, который, как метлой, сметёт всю эту ветошь и всё это бесчестие... Конечно для этого потребуются не менее чем дыхание Бога, — дыхание бури»*. Всё это пишет отнюдь не человек революционных взглядов и не ради красного словца, а человек, тонко и чутко прислушивающийся к веяниям времени и реально смотрящий на вещи, будучи в центре политических и культурных событий мирового и общероссийского значения. Мы не случайно так подробно остановились на этой теме — теме зарождения революции в России — так как отношение к этому событию поэта и (пожалуй, в большей степени) общественного и политического деятеля эпохи царствования двух российских императоров (Николая I и Александра II) проливает трагический свет на последовавшие в 1917 году действия большевиков. Это кризис, по мысли Тютчева, *«через который общество должно пройти, прежде чем доберётся до кризиса возрождения»*. Именно здесь, в этом неподвинутом мнении патриота середины XIX столетия и кроются, на наш взгляд, ответы на многие вопросы, касающиеся такого стремительного падения монархии в событиях «красного Октября», предательства Государя придворными министрами и военачальниками, попустительства полиции и спецслужб тайной канцелярии 3-го Отделения (не без основания созданного Бенкендорфом), оскудения веры и полного размежевания между высшими классами общества и народом и т. д. и т. п. У нас нет оснований для сомнений в искренности и объективности

Ф. И. Тютчева. Тем более, что общественные взгляды свои он выражал и творчески в поэзии, в лирике. А лирика, как известно, есть отражение внутреннего мира, душевного.

Поэзия в жизни Тютчева занимала особое место, связанное не только с событиями личной жизни, лирическими описаниями природы, философскими размышлениями, но и с его политической деятельностью. Поэтому часто поэзия отходит на второй план, а на первый — выходит образ гражданина и патриота. Стихи свои поэт не публиковал вообще, пока его не заставляли это сделать знакомые и не относили произведения издателем (первым, опубликовавшим их в большом объёме, был Пушкин). Однако стихи чисто политического характера поэт старался печатать немедленно, так как видел в них ценности, стоявшие выше художественных. Именно такие стихи мы намерены опубликовать в следующем номере. Они похожи скорее на памфлеты. *«Нечто вроде лозунга»*, — определял их сам автор. Придавая, таким образом, «лозунгам» рифму, он старался тем сильнее воздействовать на общественное мнение, на образованную публику, которой в то время была дорога художественность и которая ещё не утратила эстетического чувства. Вообще, литература имела особое влияние, и Тютчев это использовал, обладая уникальным стихотворным даром. За последние восемь лет жизни он опубликовал около 50-ти подобных стихотворений. И все они — о русской судьбе в самом широком смысле этого слова. Большое место, к примеру, занимают стихи, отражающие «славянский вопрос». Тютчев принимал некоторое участие в деятельности так называемых Славянских комитетов, хотя славянофилом в прямом смысле этого слова не был. Не был он, как это принято считать, и фанатичным панславистом. Однако судьба славянских народов стала волновать российское общество с середины 60-х годов, и у Тютчева появляется на эту тему ряд стихотворений. Надо заметить, кстати, что большую роль в финансировании Славянских комитетов играло старообрядческое купечество в лице Морозовых, Кокоревых, Солдатенковых, Третьяковых и пр. А Тютчеву удалось привлечь к этой деятельности канцлера Горчакова и других государственных деятелей, что повлияло на внешнеполитическое направление в правительстве — так стихи непосредственно отражали государственную службу поэта. Так стихи становились жизнью. Так судьба становилась стихами. О Ф. И. Тютчеве современник скажет: *«он и Россия — одно целое, и он не помышляет ни о чём другом, кроме как о величии, процветании и совершенствовании, нравственном и материальном, своей страны»*.

(продолжение следует)

Ведущий рубрики — М. Душин

БОГОСЛУЖЕНИЕ В ХРАМЕ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА В СЕНТЯБРЕ

Дата	День недели	Время	Богослужение
3	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
4	суббота	06:30 15:00	Божественная Литургия. Святого мученика Агафоника и иже с ним Всенощное бдение
5	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Отдание праздника Успения Пресвятыя Богородицы
7	вторник	17:00	Вечернее Богослужение
8	среда	06:30	Божественная Литургия. Сретение иконы Пресвятыя Богородицы Владимирския
10	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
11	суббота	06:30 15:00	Божественная Литургия. Усекновение Честныя Главы святого и славного Пророка и Предтечи Крестителя Господня Иоанна Всенощное бдение
12	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Преподобного отца нашего Александра, Свирскаго чудотворца
13	понедельник	17:00	Вечернее Богослужение
14	вторник	06:30	Божественная Литургия. Начало индикту, еже есть Новому лету
17	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
18	суббота	06:30 15:00	Божественная Литургия. Святого пророка Захарии Всенощное бдение
19	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Воспоминание чуда Архистратига Божия Михаила в Коласаех, еже есть в Хонех
20	понедельник	15:00	Всенощное бдение
21	вторник	07:00 17:00	Божественная Литургия. Рождество Пресвятыя Богородицы и Приснодевы Марии Вечернее Богослужение
22	среда	06:30	Божественная Литургия. Преподобного отца нашего Иосифа игумена, создавшего пречестен монастырь близ Волока Ламскаго
24	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
25	суббота	06:30 15:00	Божественная Литургия. Суббота пред Воздвижением Всенощное бдение
26	воскресение	07:00 15:00	Божественная Литургия. Неделя пред Воздвижением Всенощное бдение
27	понедельник	07:00	Божественная Литургия. Всемирное воздвижение честнаго и животворящаго креста господня
29	среда	17:00	Вечернее Богослужение
30	четверг	07:00	Божественная Литургия. Святых мучениц Веры, Любве, Надежды и матере их Софии

Кроме дней, указанных в расписании, в единоверческом храме Архангела Михаила ежедневно совершается полунощница в 6:30, а также вечерня и павечерница в 17:00
в расписании возможны изменения

Издание Михаил - Архангельской Единоверческой общины

Главный редактор: св. игумен Пирнарх

Заведующий производством: И.В. Краев

Телефон редакции: (095) 510-51-21

Ответственный за выпуск: диакон Е.Н. Саранча

Корректоры: М.Н. Душин, А.И. Титова

(2004 год, выпуск 9)

Ваши пожертвования на приобретение данного издания будут использованы на нужды
воскресной школы храма Архангела Михаила и издательскую деятельность нашего прихода.

Дорогие читатели, низжайше просим Вас, после прочтения очередного номера нашего издания,
не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения и надписания священных
имен Господа Иисуса Христа, Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неуклюжо,
Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.